

сомненно, самыми ранними из всех дошедших до нас его изображений являются три рисунка в списках его сочинений Соловецкого собрания.<sup>4</sup> Обычно их датируют концом XVI—началом XVII в. Если это и не прижизненные изображения Максима Грека, то уж во всяком случае они восходят к какому-то неизвестному устойчивому прототипу, который передает не только вообще монашеский облик Максима Грека, в профиль, с бородой, в клобуке, но и индивидуальные его черты: загнутый книзу крючковатый нос, резкие складки на щеках, пониже скул, пышно растущую бороду.

К этому же кругу изображений Максима Грека следует отнести и миниатюру из списка его сочинений, хранящегося в БАНе и датируемого XVII в.<sup>5</sup> Максим Грек изображен здесь (рис. 1) сидящим в келье, во весь рост, за перепиской книги, положенной на колени. Этот рисунок тем близок к трем его ранним «портретам», что он также представляет писателя, переводчика, но не святого, хотя надпись и называет его «преподобный Максим Грек»: голова в черном клобуке не имеет нимба.<sup>6</sup> Интересно еще одно изображение Максима, которое находится также в списке его сочинений, принадлежащем Гос. историческому музею, и относится к началу XVII в.<sup>7</sup> Здесь Максим Грек изображен не в клобуке, а в камиллавке, впрямь, по пояс, с раскрытой книгой в левой руке, с благословляющей правой рукой. По сторонам его изображения помещена киноварная надпись, причем ее строки расположены вокруг головы Максима, подходя вплотную к контурам последней. Несомненно, и этот Максим Грек, судя по надписи и по характеру изображения, — писатель, ученый монах, а не святой. Но в позднейшее время, по-видимому в XIX в., чья-то безжалостная рука навела вокруг головы Максима тонкую, кое-где прерывистую линию нимба, которая грубо пересекла отдельные буквы и слова сопроводительной киноварной надписи; были раскрашены поверх тонких перовых контуров одежды Максима, и даже традиционные характерные складки у скул на щеках оказались почти закрытыми желтыми пятнами краски. Одновременно была смыта и заменена надпись на книге. Это превращение условного «портрета» писателя в каноническое изображение святого как нельзя лучше показывает, что в XVIII и XIX вв. более обычными были изображения Максима Грека в качестве святого, а не писателя. О том же, что современники Максима Грека смотрели на него прежде всего как на писателя и мыслителя, позволяет судить уже упоминавшееся изображение его в фресках 1564 г. всего лишь через 8 лет после его смерти, в галерее Благовещенского собора московского Кремля. Таким образом, первый этап в истории изображения Максима Грека составляют его условные «портреты» как автора многочисленных сочинений и переводов, созданных им во время его почти сорокалетнего (1518—1556) пребывания на Руси: при великокняжеском дворе Василия III в Москве (в Чудовом монастыре), в ссылке в Иосифово-Волоколамском и в Тверском Отроче монастыре и, наконец, в последние годы жизни в Троице-Сергиевом монастыре. Любопытно, что уже в этой группе изображений имеются

<sup>4</sup> а) ГПБ, Соловецкое собр., № 497/516, л. 1 об. По сторонам изображения — странная надпись, называющая Максима Грека. Издано в сочинениях Максима Грека: Казанская духовная академия, т. I, 1859. Переиздано в ряде монографий, посвященных Максиму Греку; например: В. С. Иконников, Максим Грек и его время. 2-е изд. Киев, 1915; б) ГПБ, Соловецкое собр., № 494/515, л. VII; в) там же, № 496/515, л. 8 об.

<sup>5</sup> БАН, Архангельское собр., № 1044, М. Б. № 15, л. 10 об.

<sup>6</sup> М. В. Щепкина любезно указала на сходство с этим типом изображения писца из жития Антония Сийского 1648 г. (ГИМ, собр. Щукина, № 750, л. 163)

<sup>7</sup> ГИМ, Музейное собр., № 3809/4, л. 38 об.